

"ГЕНЕРАЛ" ПЕЧАТНЫХ МАШИН

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НА ПЕРЕДОВОЙ...

Вазовской типографии, почти ровеснице завода, 33 года. И 26 из них ее возглавлял Виталий Петрович Здерев, с именем которого связано и становление типографии, и превращение ее в мощное полиграфическое предприятие. Сегодня Виталию Петровичу исполняется 80 лет. С 1995 года он на пенсии, однако заставить пенсионера дома оказалось делом нелегким, как выяснилось, человек он по-прежнему занятой.

— Наверное, тем и живу, — говорит Виталий Петрович. — Человек подобен аккумулятору, так же заряжается и разряжается. Зарядите аккумулятор на полную мощность и поставьте — через месяц-два он пропадет, а когда идет обмен энергии, он живет, работает. Такое мое представление. Люди подвижные, занимающиеся чем-то, забывают о своих болезнях. Часто друзья меня спрашивают: "Чем ты занимаешься?" А я и не знаю, как перечислить!

— Последние два года вы — председатель заводского совета ветеранов Великой Отечественной войны.

— Попал туда нежданно-негаданно. Лежал в Самарском госпитале, приезжаю, звонят друзья: "Виталий Петрович! А мы тебя избрали председателем совета ветеранов". "Ну, спасибо, — говорю. — Хоть бы спросили меня!" Но потом подумал: стойте! Ведь у совета есть возможность защитить честь ветеранов, рассказать новым поколениям о войне.

Прошла громадная война, страшная война... Она нанесла нам страшный не только материальный, но прежде всего моральный урон. На ней погибли оба моих старших брата, я один остался из рода.

— Вы прошли всю войну?

— Даже больше. Для меня она закончилась в 49-м году: была еще борьба с бандеровцами. А первые бои я встретил в Молдавии. В 40-м году призвался в пограничные войска в город Тирасполь. Год отслужил, и началась война.

(Окончание на 2-й стр.)

"ГЕНЕРАЛ"

ПЕЧАТНЫХ МАШИН

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НА ПЕРЕДОВОЙ...

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Книга *"Связующая нить"*, первый том которой вы уже выпустили, тоже о Великой Отечественной войне?

— Да. Это живая история. Рассказы очевидцев-ветеранов. Столько о войне сейчас лжи, все искажается, переворачивается с ног на голову: что воевать начали мы, а не немцы, и так далее. Мне, конечно, слышать это больно и обидно, потому что я видел все с самого первого дня. И таких, как я, становится все меньше.

— Сколько на нашем заводе ветеранов войны?

— Когда я принял совет в апреле 99-го года, было 1260 человек. Сейчас осталось 700. Уходят... Ну, если самым молодым ветеранам 78 — 79 лет. Я им говорю: "Мужики, не уходите так просто. Расскажите все — где-то это останется".

— А кто непосредственно писал книгу по воспоминаниям ветеранов?

— Книгу писали будущие журналисты, первокурсники отделения журналистики нашего педагогического университета. Я сначала боялся: ну, что мы взяли этих девчонок 17-летних?! И представляете — хорошую книгу сделали! А второй том будет еще лучше. Сейчас мы упорно над ним работаем.

Что интересно, когда я пришел к студентам на первую встречу и спросил их, все ли действительно хотят быть журналистами, оказалось, что нет. Всего несколько человек. Остальным просто нужен диплом. А после работы над книгой 100 процентов заявили: мы будем только журналистами! Кстати, я и сам когда-то был журналистом. Когда окончил школу, а жили мы тогда на Урале, работал в многотиражной газете "Кировец" литсотрудником.

— И о чем вы тогда писали?

— Я бы сейчас посмотрел то, что я писал, — смеется Виталий Петрович, — наверное, удивился бы. Сначала собирал сводки о выполнении плана, рисовал какие-то таблицы — в основном и заполнялась газета этими "ТАССовскими" материалами. Потом уже получил первые профессиональные навыки, стал рассказывать о людях, об их проблемах.

— Продолжили вы свою журналистскую деятельность уже после войны?

— Да, работал в Закарпатье, в газете "За Родину", а потом потребовался ответсекретарь в ленинградской газете, и я уехал туда.

В Ленинграде я впервые почувствовал, что война закончилась. Идем с женой вечером — светло, чисто, город культурный. Я говорю: смотри,

идем и не оглядываемся, не боимся, что кто-то выстрелит из-за угла. Это было так необычно, так непривычно, что мы часто совершали прогулки только ради того, чтобы почувствовать эту свободу, безопасность.

— Вы все рассказываете о том, как работали, а когда же вы учились?

— После войны 5 лет я учился в Москве, в Военно-политической академии имени Ленина на редакторском факультете. Туда принимали уже опытных журналистов. Учеба мне запомнилась тем, что лекции нам читали члены правительства, начиная с председателя. То есть мы были информированы, готовились серьезно.

А окончив академию, в 1955 году я уехал по распределению в Закавказье, в Нахичеванский погранотряд. Вместо года, как планировалось, задержался там на 7 лет. Был начальником политотдела, зам. начальника отряда. Демобилизовался в 62-м по болезни, от нестройной должности отказался: заявил, что каша, чашки, ложки — это не по мне! К хозяйственной работе не гоюсь — так считал, пока в типографию не попал!

— А как вы вообще попали в Тольятти?

— Сначала — в Самару, тогда Куйбышев. Крыши над головой у меня не

было, и в Москве мне называли на выбор несколько городов, где шли стройки: Минск, Одесса, Симферополь, Волгоград, Казань, Уфа и Куйбышев. А со мной в гостинице жил полковник из Норильска и все волновался, как решится мой вопрос: "Стои! — говорит однажды. — Как ты сказал? Куйбышев? И ты отказался?! Да ты что! Это же советская Венеция!" Вопрос был решен. Я работал сначала в "Волжской коммуне", "За Родину", а потом принял на себя издательство Приволжского военного округа, там и трудился до 69-го года.

— А это уже год вашего прихода на автозавод.

— "Ты не хочешь посмотреть Волжский автозавод?" — спрашивает меня как-то заводделом печати обкома партии Акимов. "Мечтаю давно. Но никак не вырвусь". Вырваться мне помогли, поехал посмотреть, да так и остался. "Где работаешь? — Начальником издательства. — Ты понимаешь, что такое литеры, бабашки? — Понимаю. — Так нам как раз нужен...". Пастухов, тогда замгенерального по кадрам, схватил меня — и сразу к Полякову. А Виктор Николаевич мне с ходу: "Какая нужна на заводе типография? Через 6 месяцев она должна быть".

— Но вы же были вовсе не полиграфистом.

— Как сказал мне Поляков, специалисты найдете, нам нужен организатор. Тогда меня заела идея: создать у нас настоящую типографию. Ведь до этого даже московские типографии, я знаю, были такие чахлые, затхлые, ютились в страшных условиях. А тут была возможность приобрести импортное оборудование. Я Полякову и высказал: типографию у нас создать можно только при усло-

вии валютных затрат. И валюта в необходимых пределах была выделена. Мы закупили тогда технику в Германии, Австрии, Франции. До сих пор в типографии ВАЗа работает немецкая печатная машина "Гебель", купленная 30 лет назад, в 71-м году.

— А новые голландские машины, которые приобрела вазовская типография совсем недавно, думаете, прослужат столь же долго?

— Это оборудование — просто мечта. Я сам не успел его приобрести.

...Мы с Виталием Петровичем шли по типографии, в которую он приходит всегда как в родной дом. Смотрели на "старушку" "Гебель", новую красавицу "Хейдельберг", бывший начальник типографии знает о них все и может рассказывать о своих любимцах-машинах часами. Впрочем, как и о любимцах-печатниках. Если бы мы останавливались около всех, кто хотел со своим бывшим начальником поговорить, то не ушли оттуда до вечера. Напоследок я спросила Виталия Петровича:

— Вы прожили такую длинную, полную событий жизнь. На данный момент, в день своего 80-летия, чувствуете ли вы удовлетворение, довольны ли прожившим?

— Я не вижу вокруг себя счастливых людей, не слышу на улицах детского смеха. Разве так должно быть? Ведь 20 миллионов человек погибло, чтобы люди сейчас были счастливы. Вот мы думали, кончится война, и начнется такая прекрасная жизнь... Может быть, наши надежды еще и оправдаются.

Ольга КИРЮШКИНА.